

A black and white photograph of a person swimming in a pool, seen from behind. The person's head and shoulders are above water. In the background, a city skyline with various skyscrapers is visible under a sky filled with large, dramatic clouds. The overall mood is contemplative and somewhat somber.

Вадим Дробинин

БЛОГ БЕЗ ИМЕНИ И АДРЕСА

Сборник эссе

Вадим Дробинин Блог без имени и адреса. Сборник эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22142669

ISBN 9785448348501

Аннотация

На страницах этой книги собраны небольшие эссе и жизненные зарисовки о вещах мелких и не очень, на которые герой привык обращать внимание за время своих путешествий. Блог без имени и адреса – летопись наших с вами дней, рукопись почти без автора, но всё-таки со смыслом. Три года жизни, растянувшиеся на двести тысяч знаков: эдакие мемуары, написанные человеком, который не разменял ещё и четверти века, но уже может чему-то научить. Или, может быть, вы научитесь всему сами?

Содержание

Предисловие	5
2013	6
Дорога	6
Мгновение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Блог без имени и адреса

Сборник эссе

Вадим Дробинин

*Первой букве моего алфавита, превратившей
некстати поставленную точку в очень
своевременную запятую, посвящается*

© Вадим Дробинин, 2016

ISBN 978-5-4483-4850-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Человека, решившего заняться собственными мемуарами только-только отметив восемнадцатилетие, современники сочтут или безумцем, или самовлюбленным эгоистом.

Человека, который предпочел бумажную книгу блогу в век современных технологий и стремительно развивающегося общества, заклеят консерватором и обстоятельно объяснят, почему через год о нем никто и не вспомнит.

Человека, что пишет аллюзиями и цитатами других авторов, переваривает их мысли и опыт, и склеивает со своими чувствами, словно гусеница-шелкопряд, назовут плагиатором.

К счастью, люди, которые падки на подобные стереотипы, пройдут мимо тонкой книжки с серой обложкой, не вчитаются в аннотацию и не заинтересуются оглавлением, поэтому эти строчки для вас: вдумчивых читателей, способных узнавать сложные отсылки и не судить с полуслова.

Единственная связь между историями – моя жизнь, так что смело начинайте с любой страницы и заканчивайте когда захотите. Главное, помните, что эта история только пишется, и дочитав, приходите следить за ней в реальном времени¹.

¹ <http://drobinin.com/realtime>

2013

Дорога

Уже не школьники, но еще и не безработные шумно толпятся на крыльце альма-матер. Жаркий июньский воздух можно резать ножом и подавать на белых, как воротники рубашек, блюдах. Родители и учителя украдкой утирают слезы гордости, а вчерашние ученики обсуждают вузы и обещают собираться почаще. Бодрый фотограф прыгает вокруг виновников торжества, заразительно улыбается и пытается уместить в одном кадре все прожитые в этих стенах годы, размахивая фотоаппаратом, который, судя по всему, в прошлой жизни был пулеметом.

Надсадно работают кондиционеры, гул которых смешивается с шепотом людей, плотно набившихся в актовый зал. Где-то там, в прошлом, между сто семьдесят второй и сто восьмидесятой страницей мемуаров отгремел последний звонок, но осознание полной и безграничной свободы пришло в головы выпускников только при виде аттестатов, сулящих безбедное будущее и хорошую карьеру. Некоторые судорожно повторяют слова благодарности или играют в angry birds, а остальные задумчиво отсчитывают минуты до фуршета.

Дорога от лица до заведения, названного именем древнегреческого бога ветра, пестрит предвкушающими ужин людьми. На столах фрукты, за столами будущие доктора наук, директора компаний, космонавты и уборщики, а под столами, к счастью, никого, потому что смышленные официанты вовремя убрали бутылки с полусладким. На импровизированной сцене вышагивает эфеб, бакенбарды которого напоминают Росомаху, забывшего про цирюльника, за его спиной парень с татуировкой триратны поет что-то давно набившее оскомину, а у стен молчаливыми тенями стоят мажордомы, мимо которых прошло больше выпусков, чем застали старейшие из преподавателей. Вот уже две тысячи лет скачущие по Луперкалии люди стараются возродить хотя бы кусочек славных греческих традиций, с приоткрытыми ртами наблюдая за родственником Акопяна. Человек, бульбулятор которого помимо *cannabis sativa* умеет выдувать мыльные пузыри, старается отвлечь подростков от грибного жульена, но проигрывает в неравной схватке.

У входа в кафе одиноко стоит тележка, храбро вызволенная из застенок супермаркета и со всеми почестями доставленная на праздник. На предрассветном небе зажигаются и гаснут звезды, пустынные улицы хранят насмешливое молчание, которое изредка нарушают случайные водители, испуганно объезжающие вчерашних школьников. Где-то впереди призывно мерцает огоньками город.

В новую жизнь нас везет потрепанный трамвай №8. Кто-то играет в «камень-ножницы-бумагу», особенно стойкие пытаются доесть запасы недавнего пиршества, заботливо разложенные по картонным коробкам из-под Paul Masson и выкидывают косточки от абрикосов в окна, но большинство все-таки недоуменно пытаются понять, для чего их возят по безлюдным дорогам на арендованной гордости советского автопрома. Они просто не догадываются, что так нас готовят ко взрослой жизни, здравый смысл в которой тоже найти не очень легко.

Два веселых американца сидят напротив меня в двухэтажной электричке и обсуждают планы на Амстердам: «Дунуть, вдуть, закупить алмазов, прокатиться на велосипеде и уютнеть в канале». Несколькими сидениями дальше обещают положить им на могилы тюльпаны и помянуть абсентом, но я еду в первую очередь за твердым голландским сыром, слабосоленой селедкой и потрясающими блинчиками.

Дорога в хостел, рекламирующий себя как «самый плохой в истории города», лежит через Квартал красных фонарей. В воздухе витает «амстердамский запах» – смесь хот-догов и марихуаны, а вдоль стен организованными группами бродят толпы туристов. Девушки за стеклами зябко ежатся, когда кто-нибудь приоткрывает дверь, и недовольно перегля-

дываются, если не удалось договориться о цене. Внутри моего прибежища на ближайшие два дня шумно и весело. Подростки у входа играют в бир-понг, где-то в глубине слышно яростные споры о результатах какого-то футбольного матча, а снаружи более опытные товарищи учат делать самокрутки новичков из других стран.

Я иду по вечернему городу без карты, сворачивая в случайные переулки и заглядывая в окна: местные жители не вешают занавески, потому что уверены – им нечего скрывать. Чужие жизни проносятся перед глазами быстрее, чем в летнюю ночь проплывает по Неве очередной теплоход. Здесь, в отдалении от основных достопримечательностей, очень уютно. На берегах узких каналов встречаются тихо сидящие парочки, редкие фонари не мешают разглядеть звезды, а птицы в лучших традициях Бродского предвещают захватывающие события.

Бармен в кофешопе эмоционально рассказывает мне о сортах своей продукции, размахивая наполовину закончившимся джоинтом. Люди вокруг неспешно пьют чай, обсуждают прошедший день и планируют день наступающий – от обычной кофейни это место отличает только запрет на продажу алкоголя и сладковатый аромат, которым, кажется, пропитано абсолютно все. Несмотря на вечерние сумерки очень многие ходят в солнцезащитных очках, но благодаря заметкам Ивана я от них в этом не отличаюсь.

Утренняя электричка увозит меня в рыбацкую деревушку на берегу Северного моря. Рыбаки еще не вернулись с уловом, но в местной сыроварне меня приветливо встречают и ведут на дегустацию сыров, попутно показывая огромные бидоны со свежим молоком. Сыры в Голландии часто употребляют отдельно, между завтраком и обедом, обмакивая в яблочно-горчичные соусы и запивая ликером Southern Comfort. Купив несколько видов на более вдумчивую пробу я бреду к ларьку со знаменитой селедкой, которую стоит съесть не сходя с места. Ближе к обеду начинают появляться туристы, разбегающиеся по сувенирным лавкам, но я уже возвращаюсь обратно в столицу, на окраинах которой вчера обнаружил огромный рынок, и провожу там не один час, разглядывая потрепанные шинели и антикварные книги вперемешку с продуктовыми лавками.

На следующий день меня встречает сырная ярмарка на другом конце Голландии. Под открытым небом раскинулись лотки с сотнями различных сыров, на огороженной площадке устраивают соревнования по метанию сырных кругов и переносу их же на большие дистанции, а я брожу между прилавков уже порядком уставший от огромного количества новых вкусовых ощущений и в итоге пристраиваюсь на берегу небольшого пруда с тарелкой маленьких, не больше пельменя каждый, блинчиков, политых кленовым сиропом и щедро посыпанных сахарной пудрой. Амстердам же

остаётся в памяти как наиболее яркая часть Европы: вечно молодая и менее помпезная версия Санкт-Петербурга; город, из которого не хочется уезжать, даже если знаешь, что ещё обязательно сюда вернешься.

Поезд бесшумно скользит между двумя столицами. Внутри обитые красным войлоком сидения, многообещающие надписи со словами «бесплатно» и «WiFi» на стенах, а в соседнем вагоне с куда более дорогими билетами солидные джентельмены, задумчиво сидящие с ноутбуками. Снаружи быстро проносятся деревушки и маковые поля, а впереди уже виднеется устрашающая громада Северного вокзала.

У первого человека, встреченного мною во Франции, темная кожа, – это весьма символично. Я недоуменно озираюсь, пытаюсь разобраться в лабиринтах парижского метро, но быстро бросаю эту затею и просто спрашиваю дорогу у очередного афроамериканца. В хостеле меня ждет четырехместный номер в мансарде, два соседа-японца и душ, у которого нельзя регулировать температуру воды, но это компенсируется возможностью за пятнадцать минут пешком дойти до Эйфелевой башни, что я сразу и делаю.

На Марсовом поле людно, под неодобрительные взгляды полицейских арабы продают воду в бутылках и брелоки в форме Башни, а туристы пытаются превзойти друг друга

в оригинальности будущих аватарок. Перейдя Сену я сворачиваю к Саду Тюильри, но павильон со знаменитыми кувшинками уже закрыт, так что приходится довольствоваться пирамидками Лувра и Нотр-Дамом.

Внутри собора Парижской богородицы настолько прохладно, что начинаешь понимать католиков, с удовольствием появляющихся на мессах. Я смело сажусь в самом центре зала, ловлю взглядом алтарь и замираю, чтобы не нарушить единение французов со своим богом. Впрочем, это все равно напрасно – в десяти метрах от нас ревет поток людей, пришедших в одну из главных достопримечательностей страны. Мелькают запрещенные вспышки фотоаппаратов – сотрудники уже выучили фразу «Выключите вспышку» на русском, но это не особо помогает. В восемь часов раздаются звуки главного органа – это значит, что ближайший академический час здесь будет бесплатный концерт камерной музыки. Акустика потрясает – даже жаль, что играют не Pink Floyd.

Склоны Монмартра встречают меня площадью Пигаль, весьма посредственно пытающейся изобразить амстердамский Квартал, поэтому я отдаю предпочтение мрачному величию местного кладбища, ставшего последним пристанищем для разных именитых личностей: здесь много кошек и мало людей. Чуть выше можно увидеть базилику Святого Сердца, сразу после осмотра которой я спускаюсь на фуникулере обратно в город, ведомый голодом.

Как правило, французы не сентиментальны, когда дело касается еды, но при этом они любят, чтобы их пища выглядела счастливой и ценила оказанную ей честь. Я оказываюсь порядком разочарован, когда узнаю, что улитки – это бургундская фишка, а не парижская. Парижская фишка – это подсохший эклер за 2.60, но мне удается найти аутентичную брассери с отличными круассанами и горячим шоколадом. Где-то рядом до сих пор работает Laduree – первое заведение в городе, куда женщины смогли приходить без сопровождения мужчин и покупать макаронуны.

Несмотря на множество красивых мостов и толпы людей, из дневного Парижа хочется сбежать. Я сажусь на электричку до Шартра, вспоминая однажды услышанное «Шартр – это Собор, а Собор – это Шартр». Так и есть: собор Шартрской богородицы возвышается над небольшим провинциальным городком двумя несимметричными башнями, опираясь на древнейший во Франции лабиринт и оправдывая звание «стеклянной библии» – несколько сотен витражей иллюстрируют сцены обоих Заветов, но ни один из рисунков не повторяется. На асфальте вижу символическое изображение ракушки – это кусочек пути Сантьяго, который до сих пор проходят пилигримы. Местные жители гуляют по просторным улочкам, дети купаются в большом фонтане, а в лавочке на углу продают разлитый по бутылкам лимонад домашнего приготовления. Такая атмосфера нравится мне ку-

да больше.

Впрочем, в темноте Париж приятнее, чем при свете дня. Светящиеся опоры творения Эйфеля кажутся более неведомыми, а ежечасная подсветка встречается бурными аплодисментами. Вчера моим ужином были мидии в соусе и сырах, а сегодня я сижу на газоне Марсова поля и ем сэндвич, запивая его соком, но сложно сказать, что оказывается вкуснее. В какой-то момент рядом робко присаживаются местные ребята и спрашивают у меня что-то на своем языке, но увидев недоумение в моих глазах начинают совещаться и выдают: «Марихуана?» Вот в этом и заключается суть столицы Франции: города, в котором смешались люди всех национальностей, объединенные собственной непохожестью. За прошедшие годы бывшее величие немного поистерлось, выходцы из бывших французских колоний постепенно раскрашивают Париж в желтые и черные цвета, а сами парижане напоминают избалованных итальянцев. Но все равно здесь очень здорово. Вечерами.

Сегодня туристов встречает не мистическая Прага, а сельская Пардубице, но большинство этого еще толком не осознает, радостно хлопая экипажу самолета. В аэропорту расставлены плакаты, рассказывающие, как чехи рады гостям

и почему не стоит их огорчать, провозя через границу запрещенные товары (наркотики, автоматы и пену для бритья), а по выходе прилетевших ждут автобусы, в которых на протяжении нескольких часов будут рекламировать экскурсии с «бесплатным алкоголем и морем впечатлений».

Мой отель возвышается над десятым округом Праги словно Голиаф, попавший в гости к хоббитам. Девушки на ресепшене не понимают английский и довольно успешно делают вид, что ни разу не слышали русский. Соотечественников не так уж и много – много немцев и итальянцев, чьи контрастно звучащие языки создают поистине вавилонскую атмосферу. Впрочем, если сесть на трамвай и добраться до метро, то все изменится – в историческом центре города рестораны предлагают меню на всех возможных языках, наивно пытаюсь заманить туристов родной речью.

Я иду в отдалении от пешеходных маршрутов, активно продаваемых туристическими фирмами. Над Влтавой зажигаются огоньки, бродячие художники неспешно собирают свои инструменты, обсуждая выручку, а на холме ярко мерцает собор, строительство которого чехи будут помнить и через столетия. Цокот копыт по брусчатке заставляет снять наушники, а когда где-то впереди из переулка резко выныривает скелет с косой, за которым шумно пробираются китайцы, становится понятно, что в этом году особенно популярны костюмированные экскурсии.

У входа в церковь Святого Иакова на крюке висит кисть, которую по преданию отрубила Дева Мария у вора, а у входа в таверну можно увидеть пустые доспехи, наверняка созданные по образу и подобию тамплиера, в честь которого названо заведение. Внутри шумно и накурено, пожилые чехи сдувают с кружек пену и недовольно спорят с официантами, а я робко сажусь с краю длинного стола, давая телефону присосаться к розетке и заказываю то, ради чего приехал сюда из немытой России: řešené verřové koleno. Официант недоверчиво разглядывает меня, словно решая – объяснить в чем я неправ или просто выставить на улицу, но после нескольких секунд незримой борьбы взмахивает рукой и принимает заказ. На простой деревянной доске покоятся разрезанные вдоль соленые огурцы, плашки с острым перцем, горчицей и пряным сыром, а поверх всего этого возвышается двухкилограммовый кусок мяса. Глаза официанта горят насмешкой, она же проскальзывает и в небрежно брошенных чехами по соседству фразах, но через полтора часа от меня уносят пустой поднос и я под одобрительным взглядом старожиллов выхожу на ночную улицу, вдыхая свежий воздух избалованных отсутствием машин улиц.

В супермаркете у отеля продается смесь фруктового сиропа, кофеина и сахара – кофола, которую придумали здесь в середине прошлого века. Она нравится мне куда больше разливного пива, что активно рекомендовал официант к сырому фаршу со специями и сырым же желтком. Блюдо, ко-

торое весь мир называет тартаром, чехи прозвали татарским бифштексом, но на его замечательный вкус это никак не влияет. Я забрасываю попытки понять местный алкоголь и перехожу на свежавыжатые соки, которые здесь разливают в бутылки и предупреждают, что «сока всего 97%, а оставшиеся 3% – мякоть».

Если спуститься под Карлов мост и неспешно пройти по набережной, то можно увидеть развесистые ветви дуба, под которым отдыхают лебеди, отважно подплывающие к прохожим и выпрашивающие у них еду. Отсюда, с северной части Праги, город кажется пустым от туристов и от этого еще более красивым. Впрочем, пиво и кнедлики, равно как и огромные чешские хот-доги с «клобасами» от этого полезнее не становятся.

«Температура за бортом 25° С, московское время 14 часов 30 минут». Командир корабля и экипаж прощаются со мной, а я ступаю на растрескавшийся асфальт аэропорта Домодедово и немного запоздало прощаюсь с улыбчивой Европой, за полторы недели прибавившей мне седых волос и ярких впечатлений.

На перроне уже можно увидеть аэроэкспресс, в который утрамбовывается людская толпа, жаждущая занять побольше свободных мест. Я неторопливо иду к последним ва-

гонам, наслаждаюсь несколько не привязанным к Старбаксу интернетом и извиняюсь за отдавленные ноги, привычно разбавляя свою речь «excuse me» и «spijt ons».

На небе собираются тучи, которых я не видел уже неделю – с тех пор, как уехал из Амстердама, но боги не решаются на дождь, видя, как я спешу в офис одного интернет-магазина за новой игрушкой – первым в моей жизни макбуком. Вертя сотовым телефоном как компасом мне приходится следовать инструкциям с их сайта, проходя сквозь арки и сворачивая в переулках направо в поисках «кафе Ламборгини и бутика Картье», а потом искать коричневую дверь под козырьком и спорить с охранником, доказывая, что мне на самом деле надо в офис №6.

С формальностями покончено, но серьезно гонять технику по тестам нет времени – через пятнадцать минут мне нужно стоять у памятника Грибоедову. Дорога до метро, как назло, не вспоминается, переход с Кузнецкого моста на Лубянку «временно ограничен», но в спрогнозированные приложениям Яндексa пять минут я укладываюсь и теперь могу всем рассказывать, что на круглом постаменте изображены герои «Горя от ума».

Оставшиеся до поезда пять часов я провожу в замечательной компании, успев попробовать фламбированное в апельсиновом ликере мороженое, полепить из пластилина, поделиться свежими впечатлениями и дойти до Арбата, шумный водоворот людей на котором немного напоминает пражские

улицы. Может быть благодаря этому я в который раз уезжаю из столицы с умиротворенной улыбкой, пусть и догадываясь, что через несколько дней меня накроет продолжительная тоска и по голландской селедке, и по чешским замкам, и даже по французской провинции.

Мы стоим в толпе людей на перроне ижевского вокзала. О прибытии составов извещает металлический голос с человеческим привкусом, из десятка путей используется лишь два, а суетливые бабушки продают пирожки с капустой не только голодным путешественникам, но и друг другу.

Изящно обшарпанные бока фирменного поезда до Москвы нежно втискиваются между закопченными тушами грузовых вагонов и водоворот сумок начинает кружиться вокруг нас – каждому хочется оккупировать свою полку как можно быстрее. Впрочем, мне спешить некуда: до рейса в новую жизнь еще сорок минут, и за это время можно было бы даже сыграть партию в го или написать Укконена.

Наблюдать за провожающими порой интереснее, чем уезжать. Одни находятся в том отвратительном настроении, которое всегда наступает, когда уже давным-давно простился, но продолжаешь стоять на перроне, потому что поезд еще не ушел. Другие же наоборот молят богов о возможности как можно дольше пробыть здесь с уезжающими в командиров-

ки мужьями и сбегающими на море родственниками. Хотя, казалось бы, перрон как перрон, толчея, мусор и шум, оглушающий шум – гул голосов и лязг составов.

Внутри вагона как всегда душно. Спертый воздух привычно наполнен «ароматами» лапши быстрого приготовления, бортпроводница взглядом предлагает горячий чай, теплое пиво и крошащееся печенье, а соседи по плацкарту сразу же вызывают желание забраться на верхнюю полку, надеть наушники и пролежать с закрытыми глазами до самого прибытия.

Поезд плавно двигается, медленно едет вдоль перрона и, вырвавшись из-под тени вокзала, уносится вперед, оставляя за порядком исцарапанными и немного пыльными окнами Ижевск, который даже приобретает некую красоту – она приходит с осознанием того, что в обозримом будущем у меня вряд ли получится возвращаться сюда надолго.

Как часто вы идете на поводу у собственных желаний? Порой хочется позвонить, рискнуть, сделать что-нибудь глупое, подарить цветы (в любой день кроме 14 февраля – все, как завещал Бегбедер). Но не здесь и не сейчас.

Сейчас за окном грохочут электрички, везущие умирающих на бегу менеджеров в их тесные арендуемые за МКАДом квартирki. Здесь все и всегда спешат – даже те, кому,

в общем-то, некуда. Мотив дороги въедается в кожу, обволакивает со всех сторон, вплетается среди ровных строчек в ежедневнике и вычеркивает три-четыре часа из суток.

Отравленные цинизмом люди просыпаются и едут в тщеславный сиюминутный город, который медленно перемалывает их планы и мечты в пыль, тяжелыми гроздьями оседающую на лакированных туфлях. Я же с любопытством наблюдаю за мрачными лицами, наслаждаясь чистым от туч небом, и, видимо, вызываю ненависть просто из-за своего прекрасного настроения.

Над рассадником фастфуда, торговым центром и крытым рынком общипанным клевером возвышается мое пристанище на ближайшие годы. При желании можно подняться на крышу, смешать себе коктейль из веселья напополам с тоской и окинуть взглядом ночную панораму: вдалеке взмывают самолеты, где-то совсем рядом жизнь притягивает другую жизнь, а у самой линии горизонты светится марево бесцельных тусовок.

«Самая неприятная тишина там, где много людей молчат». Как иронично, что в нашем общежитии самая неприятная тишина в лифте.

Мгновение

Любой человек стремится к абсолютным знаниям и силе. Всемогущество и всеведение – вот те столпы, ради которых каждый готов пожертвовать жизнью, ресурсами и шоколадными маффинами из Старбакса. Именно на них чуть более чем полностью основана западная культура, именно ради этого затеваются войны, но... Что мне грозит, пока люди в метро читают Донцову, а не Достоевского?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.